

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ДВИЖЕНИЯ В РАССКАЗЕ В.Г. КОРОЛЕНКО «РЕКА ИГРАЕТ»

THE LANGUAGE MEANS EXPRESSING MOVEMENT IN V.G. KOROLENKO'S STORY «THE RIVER PLAYS»

A. Vaganova

Summary. The role of the concept of «movement» in the literary system of V. G. Korolenko's story «The river plays» is considered in this article. The use of words, related to the idea of movement and having various lexical semantics and grammatical properties, in the text is analyzed. A contextual interaction of these words is characterized. The role of language means with the semantics of movement in the creation of speech representativeness, in the formation of a psychological characterization of characters and in the expression of conceptual information is revealed.

Keywords: concept, language picture of the world, verbs of movement, contextual interaction, nominative field, direct meaning, figurative meaning.

Ваганова Айниса Кадир кызы

*К.филол.н., доцент, Таганрогский институт
им. А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
aynisa.vaganova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль концепта «движение» в художественной системе рассказа В. Г. Короленко «Река играет». Анализируется использование в тексте разнообразных по лексической семантике и грамматическим свойствам слов, связанных с идеей движения, характеризуется контекстуальное взаимодействие данных слов. Выявляется роль языковых средств с семантикой движения в создании речевой изобразительности, в формировании психологической характеристики персонажей, в выражении концептуальной информации.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, глаголы движения, контекстуальное взаимодействие, номинативное поле, прямое значение, переносное значение.

Концепт «движение» принадлежит к числу важнейших компонентов когнитивной картины мира: «<...> ничто не знакомо и не присуще нам в такой степени, как движение, являющееся основным свойством, основным признаком жизни» [1, с. 6]. Концепт «движение» находится в тесном взаимодействии с такими фундаментальными для познания мира концептами, как «время» и «пространство»: «Семантика движения соединяет пространство и время. Движение составляет третий компонент, входящий в понятие хронотопа» [2, с. 4]. Движение как один из основных концептов культуры является объектом внимания учёных, изучающих славянские и балканские языки и культуры [3, с. 7–88; 4, с. 89–103; 5, с. 63–71], фольклор [6, с. 206–222], мифологию и верования [7, с. 114–126], обряды [8, с. 213–254; 9, с. 255–270; 10, с. 271–283].

Понятие движения имеет общечеловеческий характер, но в русской культуре образы, связанные с идеей движения, занимают особенно важное место: «Для нашей страны <...> понятия дороги и пути играют необычайно большую роль (гораздо большую, чем в других европейских культурах) в семантике, метафорике, символическом, художественном творчестве» [2, с. 3]. Концепт «движение», как и другие важные для коммуникации концепты, реализуется в русском языке с помощью большого диапазона номинативных средств, разнообразных по своей семантике и грамматическим свойствам. Изучение номинативного поля концепта «движение» в русском языке необходимо

для углубленного понимания русской языковой картины мира. Поскольку смысловые и стилистические возможности номинативных средств языка реализуются в речи, средства реализации концепта «движение» следует рассматривать в процессе их речевого функционирования и контекстуального взаимодействия. Особый интерес в этом отношении представляют художественные тексты, так как художественная речь характеризуется наиболее широким охватом разных стилистических пластов языковых средств и повышенной ролью взаимодействия языковых единиц в системе текста.

Целью настоящей статьи является характеристика языковых средств реализации концепта «движение» в рассказе В. Г. Короленко «Река играет», выявление их функций в тексте рассказа.

Рассказ В. Г. Короленко «Река играет», написанный в 1891 году, был воспринят современниками как новое слово в изображении русского национального характера. По мнению А. М. Горького, герой рассказа, перевозчик Тюлин, «похож вообще на русского человека, героя на час, в котором активное отношение к жизни пробуждается только в моменты крайней опасности и на краткий срок» [11, с. 242]. Большая роль, которую играют в этом рассказе языковые средства с семантикой движения, обусловлена рядом факторов. Во-первых, повествование ведется от лица рассказчика, путешествующего по стране. На это

указывает жанровый подзаголовок текста — «Эскизы из дорожного альбома». Прилагательное *дорожный* соотносится с существительным *дорога* в значении 'путешествие, пребывание в пути' [12, с. 169]. Во-вторых, главным героем рассказа является перевозчик, то есть человек, профессиональная деятельность которого предполагает постоянное пространственное перемещение (тот факт, что герой рассказа, вопреки своей профессии, обнаруживает приверженность к малоподвижному образу жизни, создает психологическую коллизию, которая многократно обыгрывается в тексте). В-третьих, местом действия рассказа является место переправы через реку, то есть само художественное пространство текста тесно связано с идеей движения.

Слова, обозначающие движение, используются в рассказе при изображении разных сфер действительности. В тексте передается движение природных объектов, движение человека, движение транспортных средств.

Мотив движения природных объектов создается уже заглавием рассказа «Река играет», где глагол *играть* выступает в значении 'проявляться с силой, ярко, в движении'. В первой части текста рассказчик, пробуждаясь от сна, видит вокруг себя открытое пространство, наполненное движением: <...> *тихо плыло и таяло сверкающее облако*. <...> *А у самых ног моих плескалась река* [13, с. 209]. Динамизм в изображении реки усиливается во второй части рассказа. Нарастающая интенсивность движения реки, выход реки из берегов передаются с помощью целого ряда глаголов: *торопилась, пенилась, приплескивала*. При этом возникает и олицетворение реки, создаваемое глаголом *торопилась*. О реке говорится, что она *взыграла*. Затем следует эпизод, в котором подробно раскрывается содержание глагола *взыграть* применительно к данному контексту: *Несколько дней назад шли сильные дожди: теперь из лесных дебрей выкатился паводок, и вот река вздулась, заливая свои веселые зеленые берега. Резвые струи бежали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бежали дальше, отчего по всей реке вперегонку неслись клочья желтовато-белой пены* [13, с. 211]. Разлившаяся река приводит в движение прибрежную растительность: <...> *зеленый лопух, схваченный водою, тянулся из нее, тревожно размахивая не потонувшими еще верхушками* <...>. *Молодой ивняк* <...> *вздрагивал от ударов зыби* [13, с. 211]. Динамизм в изображении реки сохраняется на протяжении всего текста. Передаче бурного движения реки способствует широкое использование олицетворения, причем применяемые олицетворения разнообразны по своей семантике. Так, при изображении конфликта между лесоторговцем и обсчитанными им работниками река сопоставляется с матерью, заступившейся за детей: <...> *Ветлуга заступилась за своих деток и взыграла*

на руку артели [13, с. 222–223]. В речи работников мотив движения по отношению к реке связан с мотивом «воли», характерным для русской языковой картины мира: — *Пушай она, матушка, порезвится да поиграет на своей волюшке* [13, с. 223]. Здесь же возникает мотив «удали», также свойственный русской языковой картине мира [14, с. 11]. *Разудалые* звуки песни работников сопоставляются с шумом *буйной реки* [13, с. 223]. Речная волна сравнивается с резвящимся животным: <...> *порой извивая волна вскакивала на берег и бежала к нам, <...>, точно животное, которое резвится, пробегая мимо человека*... [13, с. 233]. В то же время в некоторых случаях повествователь напоминает о том, что обычно река Ветлуга является тихой. На это указывает, например, существительное *смирenniца*, использованное по отношению к реке: *Лошадь* <...> *установилась с удивленным видом на изменившуюся до неузнаваемости смирenniцу Ветлугу* [13, с. 225]. Поскольку мотив движения в рассказе тесно связан с водной стихией, движение атмосферных объектов и небесных тел передается с помощью метафорически употребленного глагола *плыть*: *тихо плыло и таяло сверкающее облако* [13, с. 209]; <...> *луна тихо плыла и над часовней, и над темными, спокойно шептавшимися деревьями* [13, с. 210].

Использование языковых средств, характеризующих движения человека, отличается в тексте наибольшим смысловым многообразием. Языковые средства с семантикой движения особенно активно используются, с одной стороны, при характеристике рассказчика, с другой стороны, при характеристике главного героя, перевозчика Тюлина. Для рассказчика пребывание в месте действия рассказа является одним из этапов путешествия по стране. В первой части текста рассказчик вспоминает о Святом озере, куда собирались люди в надежде увидеть незримый город Китеж. Схоластические и бесплодные споры богомольцев произвели на рассказчика мрачное впечатление. Тягостное ощущение тесноты и духоты, испытанное им во время пребывания на озере, передается, в частности, словами, связанными с темой движения: *деепричастием толкаясь* и формой прошедшего времени глагола *протолкался*: *Предыдущие сутки я провел на Святом озере, у невидимого града Китежа, толкаясь между народом* <...>. *На заре я с трудом протолкался из толпы на простор и, усталый, <...> поплелся полевыми дорогами* <...> [13, с. 210]. Движение рассказчика после утомительного пребывания на озере оказывается медленным, затрудненным, что передается глаголом *поплелся*. Рассказчик преодолел трудный путь и вышел к реке, но испытывает предельную усталость и эмоциональное опустошение, что передается сравнительным оборотом *свалился, точно мертвый* [13, с. 210]. Река как воплощение движения противопоставлена в рассказе озеру как символу неподвижности. Разбуженный шумом реки, рассказчик вспоминает, что находится уже далеко от озера. Он про-

буждается от оцепенения, к нему возвращается способность двигаться: <...> *я бодро отряхнулся от остатков дремоты и привстал на своем песчаном ложе* [13, с. 210]. С рассказчиком, путешествующим по стране и наблюдающим народную жизнь, связан мотив движения, не случайно местные жители обозначают его с помощью субстантивированного причастия *проходящий*: *Эй, проходящий — обращается он ко мне как-то одобрительно* [13, с. 217]; *Проходящий, лезь и ты* [13, с. 218]. При повествовании о перевозчике Тюлине на протяжении всего текста чередуются языковые средства, характеризующие преобладающий мотив инертности, и языковые средства, передающие энергичное движение. При первом появлении Тюлина подчеркивается его инертность, неподвижность: *Он сидит у своего шалаша, понури голову и как-то весь опустившись* [13, с. 212]. На призывы путника, требующего перевезти его через реку, Тюлин не отвечает, надеясь, что тот передумает: — *Может, еще и не поедет...* [13, с. 214]. Вместо того чтобы выполнять обязанности перевозчика, Тюлин размышляет о причинах своей головной боли, постепенно осознавая, что голова болит с похмелья. При этом для передачи процесса размышления используется глагол движения *подходить* в переносном смысле: <...> *Тюлин медленным, мучительным, но зато верным путем подходил к истинной причине своих страданий* [13, с. 215]. Разговор Тюлина с мужиком Евстигнеем показывает, что пассивность присуща не только Тюлину, но в значительной мере и всей изображаемой общественной среде. Ни Тюлин, ни Евстигней, ни сын Тюлина Иванко не желают идти за длинными шестами, нужными для переправы. Только угроза Тюлина, имитирующего готовность встать за хворостиной, заставляет его сына отправиться за шестами: — *Ну-ко я его, подлеца, вищей вытяну... — опять произносит Тюлин, делая новый опыт примерного вставанья. <...> Иванко <...> снимается с места и бежит трусцой на гору, к селу* [13, с. 216]. Оба взрослых советуют друг другу *добежать* навстречу Иванке и помочь ему нести тяжелые шесты, но не трогаются с места. Когда Тюлин, наконец, принимается за работу, движения его носят замедленный характер: *Он <...> так же лениво, с той же беспросветной скорбью, спускается в воду, чтоб отвязать чалки* [13, с. 217]. Однако иногда пассивность Тюлина сменяется активными действиями.

Во-первых, это происходит в сцене переправы на пароме. Данная сцена образует кульминационный момент рассказа. Когда при переправе возникает опасная ситуация, Тюлин преобразуется, он действует энергично и умело: *Тюлин могучим толчком подает паром наперерез течению <...>* [13, с. 219]. После того как опасность миновала, движения Тюлина лишаются всякой интенсивности, он возвращается в свое обычное состояние: *вяло тычет шестом, с расстановкой и с прежним уныло-апатичным видом* [13, с. 219].

Во-вторых, Тюлин, по его утверждению, *бегом догнал за перелеском* [13, с. 222] лодку, которую унесла река. Само это событие непосредственно не изображается, мы знаем о нем лишь со слов Тюлина. Когда же мы видим Тюлина, возвращающегося со спасенной лодкой, его движения характеризуются обычной замедленностью: *Тюлин тащится к своему шалашу по колени в воде, лениво шлепая босыми ногами по зеленой потопшей траве <...>* [13, с. 221].

В-третьих, Тюлин быстро откликается на призыв артельщиков, которые, как он догадывается, намерены угостить его: *И Тюлин с удивительной живостью кинулся к берегу* [13, с. 225].

В-четвертых, Тюлин живо реагирует на зов урневских сектантов, которые отличаются сплоченностью и суровым нравом: *Когда он пристал к берегу, то на лице его виднелась сугубая угнетенность и похмельная скорбь; это не помешало ему, однако, быстро побежать на гору за длинными шестами* [13, с. 235].

Лексика с семантикой движения используется и при изображении различных второстепенных персонажей. Так, интенсивные перемещения в пространстве совершает лесоторговец, вынужденный срочно налаживать отношения с обсчитанной им ранее артелью: *К берегу торопливою походкой приближался <...> мужчина лет сорока пяти, в костюме деревенского торговца* [13, с. 222]; *Кинувшись в село, он наскоро добыл четверть и поклонился артели* [13, с. 223]; *Вскоре Ивахин опять стрелой летел к нашему берегу и опять устремился с новой посудиною на ту сторону* [13, с. 224]; *Ивахин <...> переправился в последний раз на нашу сторону и умчался к селу* [13, с. 224]. Работники, протест которых испугал лесоторговца, после распития привезенной хозяином водки постепенно приходят в состояние инертности, на что указывает глагол *полечь*: <...> *очевидно, не одна уж удалая головушка полегла на вырубке и в кустарнике* [13, с. 233–234]. Возвращаются со Святого озера странники: *К нашему огоньку с берестяными кошелками за спиной, с посошками в руках подошли два странника* [13, с. 228].

Заметную роль в тексте играют слова, передающие движение транспортных средств. Это движение может быть вызвано или человеческим управлением, или воздействием природной стихии. Движение транспортных средств изображается в нескольких эпизодах рассказа — в эпизоде с лодкой, в сцене переправы на пароме, в эпизодах с телегами, подъезжающими к переправе, в финальной сцене с пароходом. Так, изображается лодка, которая стояла на берегу, но с разливом реки оказалась в воде: *Лодка вздрагивает, приподнимается, делает*

какое-то судорожное движение и опять беспомощно ложится по-прежнему [13, с. 212]. Лодка показана как живое существо, испуганное и беспомощное, движения лодки вызваны движением водной стихии. В сцене переправы на пароме происходит борьба между людьми и водной стихией за управление паромом. Сначала паром стремительно движется, уносимый течением реки, при этом движение парома передается через восприятие находящихся на нем людей как кажущееся движение объектов, расположенных на берегу: *Паром закрипел, закачался и поплыл от берега. Перевозный шалаш, опрокинутая лодка, холмик с церковью мгновенно, будто подхваченные неведомой силой, уносятся от нас, а мысок с зеленою подмытою ивой летит нам навстречу* [13, с. 217]. С трудом люди подчиняют паром своему управлению: *Иванко завязывает руль бечевкой, паром окончательно «ложится на перевал», мы налегаям на весла* [13, с. 219]. Изображаются в рассказе и сухопутные транспортные средства — телега (воз) и лошадь. Движение возов к переправе описывается как медленное, затрудненное: *<...> с горы, по неудобной дороге, уже сползают два воза* [13, с. 221]. Для переправы через реку телегу приходится грузить на паром, что оказывается нелегким процессом, включающим в себя разнообразные движения: *Начинается спуск телеги. <...> Горячая лошадь подбирает зад и прыгает с берега <...> наконец, воз установлен на качающемся и дрожащем пароме* [13, с. 220]. В заключительном эпизоде текста появляется пароход: *<...> над мысом появился белый флаг, и «Николай» плавно выбежал на плёсо <...>* [13, с. 235–236]. Плавное и, как подчеркивает глагол *выбежал*, стремительное движение парохода воплощает новую техническую цивилизацию, проникающую в глухие лесные края.

Таким образом, проведенный анализ позволяет охарактеризовать контекстуальное взаимодействие разнообразных по лексическому значению и грамматическим свойствам слов, связанных с идеей движения, в рассказе «Река играет» и роль этого взаимодействия в раскрытии авторской концепции. С этой точки зрения текст рассказа В. Г. Короленко ранее не исследовался. Анализ показывает, что в семантической системе рассказа «Река играет» переплетаются и взаимодействуют контрастные мотивы: мотив движения, активности, и мотив неподвижности, инертности. Идея движения реализуется словами, принадлежащими к разным частям речи. Используются многочисленные глаголы, обозначающие движение. Им противопоставлены глаголы, обозначающие неподвижное положение, например, *сидеть*, а также глаголы, обозначающие переход в неподвижное состояние, например, *свалиться, полечь*. При этом среди самих глаголов движения противопоставлены глаголы, обозначающие движение быстрое, энергичное (например, *бежать, кинуться, умчаться, выбежать*), и глаголы со значе-

нием движения медленного, отягощенного тенденцией к инертности (например, *полестись, тащиться, сползать*). В большинстве случаев глаголы движения выступают в своем прямом значении, но используется и переносное значение слов данной тематической группы. С одной стороны, переносное употребление передает ассоциации между разными типами перемещения: так, движение небесных тел передается глаголом *плыть*, быстрое перемещение человека — глаголом *лететь*. С другой стороны, глагол, в прямом значении обозначающий пространственное перемещение, в переносном смысле используется для передачи хода размышлений: так применяется глагол *подходить* в сочетании *подходил к истинной причине*. Глаголы движения часто сопровождаются наречиями, уточняющими характер движения. В рассказе эти наречия обычно характеризуют темп движения, что позволяет противопоставить энергичное движение и тенденцию к инертности: с одной стороны, наречия *быстро, бегом*, с другой стороны — *неторопливо, лениво*. С семантикой движения связаны некоторые прилагательные, например, прилагательное *буйный* в словосочетании *буйная река*. Семантика движения присуща и некоторым существительным, употребляемым в рассказе. Во-первых, это существительные, обозначающие процесс движения, например, слова *толчок, вставанье*. Во-вторых, существительные, обозначающие человека по признаку выполняемого движения, например, слово *странник*. В-третьих, с идеей движения связаны и некоторые существительные, обозначающие абстрагированный признак. Таково существительное *живость*, образованное от прилагательного *живой* в значении 'деятельный, полный жизненной энергии' [12, с. 186]. Значительную роль в тексте играет субстантивированное причастие *проходящий*.

Лексика с семантикой движения в тексте выполняет, с одной стороны, изобразительную функцию, поскольку глаголы позволяют не просто назвать какой-то процесс, а представить его как последовательность конкретных действий. С другой стороны, глаголы движения помогают дать психологическую характеристику персонажей, потому что в особенностях движения персонажа проявляются черты его характера. Слова с семантикой движения, взаимодействуя друг с другом и с другими языковыми средствами текста, играют важную роль в выражении концептуальной информации, то есть в передаче авторского понимания изображаемой действительности. В тексте возникают семантические переключки между изображением реки Ветлуги, обычно тихой, но бурной после сильных дождей, и повествованием о персонажах рассказа, особенно о перевозчике Тюлине, большей частью беспечном и малоподвижном, но способном на энергичные действия в опасный момент. В этих переключках выражается авторский взгляд на национальный характер и на его связи с природной средой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. 384 с.
2. Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 3–17.
3. Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 7–88.
4. Толстая С. М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 89–103.
5. Чепелевская Т. И. Концепты дома и дороги/ пути в романах Ивана Цанкара // Obdobja 21. Slovenski roman. Ljubljana, 2003. S. 63–71.
6. Неклюдов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten — Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner, 2007. S. 206–222.
7. Клепикова Г. П. Семантика карпато-балканского *Strlg- в свете характеристики некоторых мифологических персонажей («компонент д в и ж е н и е») // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 114–126.
8. Агапкина Т. А. Концепт движения в обрядовой мифологии славян (на материале весеннего календарного цикла) // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 213–254.
9. Валенцова М. М. Типы движения в западославянских «королевских» обрядах // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 255–270.
10. Кляус В. Л. Движение людей/движение предметов в забайкальском святочном обряде заваливания ворот // Концепт движения в языке и культуре / Отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Издательство «Индрик», 1996. С. 271–283.
11. Горький М. Из воспоминаний о В. Г. Короленко // Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 14. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. С. 241–245.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2015. 896 с.
13. Короленко В. Г. Река играет // Короленко В. Г. Собрание сочинений в десяти томах. Том третий. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. С. 209–236.
14. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

© Ваганова Айниса Кадир кызы (aynisa.vaganova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Таганрогский институт им. А.П. Чехова